

Е. О. Полякова

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

**Специфика осмысления любовных коллизий «из современной жизни»
в малой прозе М. Кузмина**

Полякова Е. О. Специфика осмысления любовных коллизий «из современной жизни» в малой прозе М. Кузмина. У статті запропоновано аналіз поетики новел М. Кузміна – «Решення Анни Мейер» (1907) і «Платонічна Шарлотта» (1914), в яких автор звертається до проблеми любові. Обидві новели виявили подібні риси, характерні для не стилізованої малої прози письменника. У цих творах іронічність М. Кузміна найбільш яскраво проявилася на сюжетно-композиційному рівні новел: як у взаєминах персонажів, так і в розстановці новелістичних пуантів, що створюють комічний ефект. Важливу роль в розглянутих новелах також грає інтертекст і гра з читачем.

Ключові слова: Кузмін, новела, поетика, іронія, інтертекст.

Полякова Е. О. Специфика осмысления любовных коллизий «из современной жизни» в малой прозе М. Кузмина. В статье предложен анализ поэтики новелл М. Кузмина – «Решение Анны Мейер» (1907) и «Платоническая Шарлотта» (1914), в которых автор обращается к проблеме любви. Обе новеллы обнаружили сходные черты, характерные для не стилизованной малой прозы писателя. В этих произведениях ироничность М. Кузмина наиболее ярко проявилась на сюжетно-композиционном уровне новелл: как во взаимоотношениях персонажей, так и в расстановке новеллистических пуантов, создающих комический эффект. Важную роль в рассмотренных новеллах также играет интертекст и игра с читателем.

Ключевые слова: Кузмин, новелла, поэтика, ирония, интертекст.

Poliakova Ye. O. Specificity of understanding love collisions "from the modern life" in M. Kuzmin's little prose. The article offers the analysis of the poetics of M. Kuzmin's novels – "The decision of Anna Meyer" (1907) and "Platonic Charlotte" (1914), in which the author adverts to the issue of love. Both short stories reveal similarities characteristic of writer's unstylized little prose. M. Kuzmin's irony is most clearly manifested in these works. It has been shown on the plot-compositional level of short stories: in relationships between the characters and in the balance of short-story pointes, creating a comic effect. Intertext and the playing with the reader plays an important role in short stories.

Key words: Kuzmin, short story, poetics, irony, intertext.

Малая проза М. Кузмина, за исключением его стилизованных новелл и рассказов, редко попадает в сферу интересов современных исследователей [2, 5, 6]. В определенной степени это связано с тем, что стилизованная новеллистика писателя часто воспринимается как высокохудожественная и даже элитарная, а вся остальная как второсортная беллетристика. Между тем, Н. Граматчикова, рассматривая произведения писателя «из современной жизни», пришла к выводу об их значимости в развитии русской литературы: «Линия традиций “младшей прозы” русской литературы приводит к Кузмину и находит в нем не только блестящего продолжателя традиций, но и редкий для русской литературы тип писателя, соединяющий отточенность стиля с напряженным событийным, фабульным рядом. Восстановление в правах беллетристики после длительной эпохи господства “большой”, серьезной литературы вполне соответствует одной из главнейших составляющих дарование Кузмина – его пристальному вниманию к каждодневным,

“простым” человеческим интересам и радостям» [1:180]. Учитывая сказанное, полагаем, что произведения Кузмина «из современной жизни» заслуживают специального обстоятельного исследования не меньше, чем его стилизации.

Одной из наиболее примечательных особенностей стилизованной малой прозы Кузмина является настойчивое обращение к проблеме любви, которая рассматривается писателем в разных ракурсах и с разным пафосом – от сентиментального и трагического до иронического [1, 7, 8]. В ряде произведений Кузмина запечатлены проникновенные и трагические истории о неспособности человека противостоять року, где герои гибнут из-за вмешательства высших сил («Тень Филлиды», «Невеста» и др.). Другие новеллы проникнуты авторской иронией, несмотря на то, что герои испытывают отнюдь не шуточные чувства («Мачеха из Скарперии», «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер» и др.). Исследование поэтики не стилизованной малой прозы Кузмина также свидетельствуют о

центральной роли в ней любовных коллизий, которые чаще всего представлены под ироническим углом зрения. Особенно ярко ироничность писателя проявилась в новеллах «Решение Анны Мейер» (1907) и «Платоническая Шарлотта» (1914).

Фабула новеллы «Решение Анны Мейер» повествует о том, как юная девица Анна влюбилась в молодого человека, даже не познакомившись с ним. Девушка отважилась написать возлюбленному письмо с признанием, и, к ее удивлению, он ей ответил. Герои долго переписывались, и, наконец, Анна решила встретиться с юношей лично. Но новеллистически неожиданно оказалось, что письма писал не ее возлюбленный, а его друг. Еще более неожиданно для читателя (второй новеллистический пуант) девушка попросила его продолжать переписку. Третий пуант совпадает с новеллистическим финалом, – продолжая испытывать безответное чувство к своему возлюбленному, Анна, не противясь желанию своей тетки, вскоре выходит замуж за нелюбимого человека.

Повествование в новелле ведется в третьем лице не персонифицированным повествователем, в центре внимания которого находится Анна и ее переживания. Пока в жизни и внутреннем мире девушки ничего не происходит, хронотоп произведения почти статичен, все явления уравновешены, а все происходящее бессобытийно: «Дни за днями, – туманные и ясные, солнечные и дождливые, – одинаково проходили для Анны Мейер. Так же она вставала со своей теткой – не слишком рано, не слишком поздно; так же слегка помогала ей, так же читала роман за романом» [3:134].

Равновесие художественного мира новеллы нарушается в тот момент, когда внимание Анны привлекает молодой человек, регулярно прогуливающийся в парке с приятелем. Решив, что она влюблена в незнакомого юношу, героиня кардинально меняет ритм своей жизни. С этого момента начинает развиваться любовная коллизия, наполняя мир Анны движением. Девушка проявляет чудеса смекалки, чтобы выяснить, где живет ее возлюбленный Павел, сразу же находит себе место гувернантки для детей его сестры, принимает участие в домашних концертах в качестве солистки, резвится с детьми. Каждый раз, когда Анна встречается с Павлом, ее поведение становится странным: она не может ответить на простой вопрос, пытается имитировать особенности его речи, или бросается с криками из комнаты. Для героини – это проявление любви, для остальных же персонажей – неуместный и неумело разыгранный спектакль (во время разговора с Анной с лица Скачковой не сходит ухмылка, дети с

присущей им непосредственностью и искренностью задают девушке нелепые вопросы).

Одним из важных моментов в развитии любовной коллизии становится написание тайного письма. Анна «долго писала это письмо по ночам урывками, даже разными чернилами: синими – детскими и рыжими – кухонными, трепеща, чтобы ее не застали за этим занятием и вздрагивая от каждого вздоха спящих детей» [3:145]. Очевидным интертекстом для Кузмина в данном случае послужил пушкинский «Евгений Онегин». Образы Татьяны и Анны, на первый взгляд, сближаются: обе девушки юны, неопытны, любят читать зарубежные романы, тайно влюблены и решаются на отчаянный шаг – признание. Однако Анна, ее письмо и персонаж, отвечающий на него, выглядят как откровенная пародия на претекст.

Хотя Анна принимает такое же решение, как и Татьяна, ей не хватает яркости характера и силы воли. Если пушкинская героиня «казалась девочкой чужой», благодаря своим незаурядным личностным качествам, то Анна резко выделяется среди окружающих ее людей из-за своего нелепого вида («случайно увидев себя в зеркале, девушка показала самой себе такой жалкой, смешной, ненужной в этом светлом небольшом кабинете» [3:152]) и поведения (в один из праздников она «пела высоким голосом, разводя большими руками. Дети визгливо смеялись и лезли ей на голову» [3:146] и т.п. Герой, отвечающий на письма Анны (ср. с Онегиным и его письмом) по характеристике повествователя, не представляет из себя ничего особенного: «Он был высок, белокур, курнос и свеж, – *ничего особенного* – тонок» (курсив мой – Е.П.) [3:153]. К тому же, в новелле можно усмотреть и тонкий намек повествователя на не вполне традиционные отношения между Павлом и его приятелем.

Анна не раз обращается ко лжи, чтобы скрыть свои чувства. Фальшь становится еще одной чертой, снижающей образ героини. Ее ложь сначала безобидна, слегка поэтизирована (девушка врала «по вдохновению») и даже помогает ей найти полезное занятие. Но в конце новеллы, когда разоблачается обман ее партнера по переписке, Анна не только не возмущается, но и просит поддерживать иллюзию. Сцена разоблачения напоминает финальный эпизод из «Барышни-крестьянки», где Алексей, придя в гости к Лизе, случайно видит свое письмо. Однако если в пушкинском произведении финал оказывается счастливым и наполненным жизнью, то у Кузмина сцена разоблачения выглядит обыденной и банальной, а поведение героини – безэмоциональным, лишенном живой жизни.

С этого момента в новелле вновь начинает функционировать мотив неподвижности и спокойствия: девушку называют «спокойной и

храброй», лицо Анны было «неподвижно, словно окаменелое», в душе у нее появляется «спокойная тоска». Героиня соглашается с волей тетушки и выходит замуж за нелюбимого мужчину, а сама, судя по всему, остается жить в мире созданной иллюзии. Таким образом, сюжет, в основе которого лежала любовная коллизия, описав параболу, возвращает читателя к началу новеллы, замыкая ее. Придуманная и пережитая любовь не только ничего не изменяет по сути в жизни героини, но и не изменяет ее саму. В отличие от пушкинской Татьяны, она не становится значительней как личность (ср. у Тютчева: «Душа, увя, не выстрадает счастья, но может выстрадать себя» [9:134]). Муж Анны, по сравнению с супругом пушкинской Татьяны, тоже снижено-карикатурен: при первой встрече с ним девушка «в гостях сидела молча и скучая, не обращая внимания на рассказы маленького, лысого, бритого человека посредине стола, – почетного гостя...» [3:139].

В итоге авторская ирония по отношению к героине, ее избраннику и его другу, к супругу Анны, а также всей любовной коллизии, вполне очевидна. В какой степени она адресована литературным претекстам, а в какой – современникам, в опошленном виде разыгрывающим «чужие» роли и сюжеты, сказать трудно. В новелле можно усмотреть и то, и другое, что обуславливает довольно широкое поле для интерпретаторов.

Еще более откровенно, чем в «Решении Анны Мейер», авторская ирония проявляется в новелле «Платоническая Шарлотта» (1914). Фабула произведения повествует о молодой немке, решившей посвятить свою жизнь возлюбленному – Илье Петровичу, помогая ему в хозяйственных делах. Вместе они условились называть свои отношения «платонической любовью», т. е. любовью, «которая ничего не требует, которая счастлива тем, что другой существует, – больше ничего» [4:210]. История заканчивается тем, что Шарлотта старается взять на себя все домашние заботы возлюбленного, а Илья Петрович находит себе жену, предлагая Шарлотте повышение жалования и мягко отказывая ей в чувствах под предлогом платонической любви.

Для читателя с самого начала очевидна недалекость и ограниченность героини: «Конечно, она не читала Платона, сомнительно даже, знала ли о самом его существовании» [4:209]. Выражению авторской иронии служит и интертекст. В названии новеллы и имени героини содержится реминисценция на «Страдания юного Вертера» Й. Гете, а сама Шарлотта сравнивает себя с Маргаритой из «Фауста». Примечательно, что

героиня – немка по происхождению, но до названных «высоких» прообразов явно не дотягивает. Иллюзорность ее представлений о мире служит объектом авторской иронии. Кроме того, девушка любит кататься на коньках, хотя уже давно вышла из детского возраста. Она воспринимает все буквально, не понимая намеков, поэтому и разоблачение ошибочности ее суждений удивляет только ее саму.

В системе персонажей «Платонической Шарлотты», как и в «Решении Анны Мейер», а также других новелл Кузмина («Из писем девицы Клары Вальмон», «Девственный Виктор» и т.п.), воспроизводится одна и та же пара: неопытный герой/героиня и мудрый наставник (обычно тетушка, дядюшка или родители). Как правило, наставник обладает разумным взглядом на жизнь, без труда видит опасность, подстерегающую наивных героев, и предлагает трезвую оценку ситуации. Однако неопытные персонажи предпочитают прекрасную иллюзию, а трезвый взгляд со стороны мудрых героев только подчеркивает разницу между их мироощущением, проявляя и авторскую иронию.

В поэтике «Платонической Шарлотты», как и «Решении Анны Мейер», главная роль отводится героине иностранного происхождения, что изначально дает установку на их инаковость относительно других персонажей в художественном мире новелл. Сама же эта инаковость представлена здесь в ироничном и пародийном освещении.

Таким образом, «беллетристические» новеллы Кузмина оказываются не менее интересными, художественно стереоскопичными и многозначными, чем его стилизации, хотя авторское осмысление проблемы любви в них проявляется несколько иначе. Свойственная писателю ирония в не стилизованной малой прозе проявляется больше, чем в новеллах-стилизациях: фокус внимания писателя смещается непосредственно на ситуацию и взаимоотношения персонажа с миром. При этом, судя по всему, парадоксально-ироническая, изящная и легкая, бесконечно разнообразная игра с «чужими» образами и текстами, с одной стороны, и читателем, с другой, и в рассмотренном типе малой прозы Кузмина не предполагала утверждения каких бы то ни было Абсолютов, кроме переживания полноты самой жизни и высвобождения всех творческих сил человека. Насколько выявленные особенности характерны для остального круга не стилизованной малой прозы писателя и корректно ли ее относить к беллетристике – еще предстоит уяснить.

Литература

1. Граматчикова Н. Игровые стратегии в литературе серебряного века (М. Волошин, Н. Гумилев, М. Кузмин) : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Наталья Граматчикова. – Екатеринбург, 2004. – 204 с.
2. Козюра Е. Метаморфозы женского: М. Кузмин и Э. Т. А. Гофман / Евгений Козюра // Характерологические стратегии в русской литературе : коллективная монография / науч. ред. А. А. Фаустов. – Воронеж : Научная книга, 2013. – С. 293–315.
3. Кузмин М. Проза. Собр. соч. в 9 т. Т. 1 / Михаил Кузмин; [ред., примеч. и вступ. статья Вл. Маркова]. – Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1984. – 353 с.
4. Кузмин М. Проза. Собр. соч. в 9 т. Т. 4 / Михаил Кузмин; [ред. и примеч. Вл. Маркова]. – Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1985. – 372 с.
5. Логунова Н. Жанры малой эпистолярной прозы начала XX века: Особенности жанровой стратегии / Наталья Логунова // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та, 2009. – Вып. 7. – С. 194–198.
6. Панова Л. Игры с Брюсовым: Александр Великий в творчестве Кузмина / Лада Панова // Новое литературное обозрение. – 2006. – № 2. – С. 222–240.
7. Полякова Е. Трансформация жанра жития в новелле М. Кузмина «Пример ближним» / Евгения Полякова // Вісн. Харків. нац. ун-ту імені В. Н. Каразіна. – 2015. – Сер. Філологія. Вип. 73. – С. 226–229.
8. Полякова Е. Специфика поэтики и стилизации в новелле М. Кузмина «Тень Филлиды» / Евгения Полякова // Тези доповідей VII Регіональної студентської наукової конференції 15 квітня 2014 р., м. Харків. — Х.: ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2014. – С. 55–57.
9. Тютчев Ф. Полн. собр. соч. Письма. В 6 т. Т. 2 / Федор Тютчев; [сост. В. Н. Касаткина]. – М.: Издат. центр «Классика», 2003. – 640 с.